„Sozialistitscheski Westnik"
„Der sozialistische Bote"
Berlin SW19, Seydelstr. 5, I. Hof

Preis M. 300.—
in Deutschland

Zentralorgan der Soz.-Dem. Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии
Выход. 2 раза в месяц при ближ. участии Р. АБРАМОВИЧА, Ф. ДАНА и Л. МАРТОВА

№ 3 (49)	Контора и редакция: Berlin SW, Seydelstr. 5, I. Hof, тел. Zentrum 765	31-го января 1923 г.	Прием по делам редакции ежедн., кроме субботы, от 1—2 час.	3-ий г. изд.

СОДЕРЖАНИЕ:

Рурская оккупация.

В тот момент, когда французские войска переступили границу Рурского района «для охраны комиссии инженеров», репарационный вопрос вступил в новую, самую опасную фазу. Если первые два года после войны Германия имела по версальскому договору «отсрочку», если дальнейшие два года ушли на непрерывную дипломатически-экономическую борьбу за «репарационные платежи», — то на пятом году конфликт вновь приобретает внешность военных операций, и аннексия «побежденных» территорий проделывается вновь самым грубым, беззастенчивым образом.

И тем не менее — как много изменилось со времени войны в европейской ситуации! Америка «ушла» из Европы, разочарованная и в интервенции своей, и в своих союзниках, и в кредитах, им предоставленных; она не проявляет больше желания не только вмешаться силой оружия, но и покрепче нажать экономическим прессом в пользу тех или других. Англия постепенно выходит из состава Антанты, хоть и не разрывает ее формально по соображениям ближне-восточной политики. Приобревши огромные колониальные территории, она теперь опасается экономического и военного усиления нового конкуррента — Франции. Ожидавшая наступления новой «коммерческой эпохи» после войны, она переживает более тяжелый кризис, чем какая-либо другая страна западной Европы, и поэтому начинает боязливо оглядываться на своего главного союзника, не перестающего бряцать оружием и безгранично зарвавшегося в завоевательных планах. Даже Италия хотя и состоит под «твердой властью» фашистского национализма, но занята своими делами на Юго-Востоке, но и она смущена угрозой громадного усиления милитаризма своей западной соседки.

Но Франция переживает медовые месяцы нового империализма. Недавняя жертва германского наступления и германской оккупации, сто раз поклявшаяся в том, что у нее нет других целей, кроме «освобождения и независимости», — Франция ухитрилась за три-четыре года превратиться в колосс европейского империализма. Она с'умела развить в себе все тенденции «беспощадного» милитаризма, — грубого, дикого и слепого. Давно уже вернулось почти все крестьянство в северные, разрушенные Германией, провинции. Главная доля северной промышленности вполне восстановлена. Последние урожаи во Франции — и в одной только Франции из крупных стран Европы! — уже превысили до-военные размеры. Безработица ничтожна. Валюта почти устойчива. Но в том-то и состоит сущность империализма, что не голод и нужда, а гордое сознание своей физической силы толкает на конфликты, военные авантюры, погоню за новыми территориями — и выдвигает вперед военщину как квинт-эссенцию «национального целого», носительницу идеи «великого народа». Перед этой идеей склоняется и городская буржуазия, и крестьянство, и буржуазная интеллигенция, — и они образуют то «общественное мнение», которое Мильераны и Пуанкарэ умеют оседлать не хуже, а пожалуй лучше, чем это делали в свое время Бисмарк, Мольтке и фон-Бюлов.

Но, как всегда, к «национальной гордости» и бесплотной идее «великой нации» примешиваются самые материальные интересы, заменяя аромат патриотического идеализма угольной копотью и человеческим потом. Если Германия с'умела за несколько десятилетий превратиться в сильнейшее и богатейшее государство европейского континента, — почему бы и Франции не попробовать? Много ли нужно для этого? Германские залежи железа в Лотарингии перешли уже к Франции по Версальскому договору; их надо лишь соединить с господ-

ством над европейским углем, хотя бы дорогой ценой военной экспедиции! Надо прибрать к рукам весь великий угольный бассейн Европы, лежащий на границах Франции, Бельгии и Германии. И если ради таких перспективов надо нарушать национальную независимость Германии — для того ведь существует Фош и национальная гордость и великие идеалы, чтоб сокрушить все на своем пути. Так золотые перспективы капиталистической экспансии очень мило дополняют бескорыстное самопожертвование французских армий на Руре «во имя мира и справедливости».

На первых порах оккупация Рура может иметь некоторый успех, и у Франции могут оказаться силы, чтобы сломить германское сопротивление. Таможенная линия, которою Франция окружает рурскую область, неизбежно ослабит связь с Германией и усилит хозяйственные связи с Францией; новая валюта «рейнской марки», при поддержке Французского банка, может оказаться много устойчивей германской марки и может избавить от бесконечной погони за растущими ценами. Французские чиновники, которыми предположено сменить немцев, в союзе с оккупационной армией, будут наводить «порядок» казацкими методами, способными на время устрашить и усмирить.

Очень возможно, что и Германия, после серьезного сопротивления, будет вынуждена примириться с фактом оккупации. Ибо Англия и Америка, — если они пожелают вмешаться — будут исходить из «свершившегося факта», этого главного аргумента в новейшей дипломатии, и склонив Францию на ничтожные уступки, заставят и Германию подписать соответствующий документ. Уже Италия работает в этом направлении. И за некоторые уступки в турецком вопросе Франция способна склонить сейчас и Англию пойти по тому же пути.

Но наивной ошибкой было бы думать, будто этим и закончится история «репарационного вопроса» и даже одной лишь рурской оккупацией. Франция может добиться политического «успеха», т. е. подчинения Рура своей воле. Но фантастические надежды невежественной прессы и националистической демагогии на золотые горы, в которые можно обратить рурский уголь, для оплаты репарационных счетов, очень скоро будут разрушены. Рурская операция потребует огромных расходов, ляжет на бюджет тяжелым бременем, заставит повысить налоги — вместо того, чтоб принести в казну те миллиарды, ради которых все это производится. Таможенная линия, которой окружена рурская область, либо ничего не даст Франции, если пошлины будут низки; либо же сократит производство угля, если пошлины будут велики, — и вызовет кризис и на Руре, и в Германии, и опять-таки не накормит голодное французское казначейство. Недовольство Германией, до сих пор толкавшее Францию на все новые и новые «санкции» и оккупации, может заставить ее продвинуться еще дальше и еще более обострить полу-военный конфликт с Германией.

С другой стороны, с выходом Англии из Антанты, сопротивление Германии начинает расти. Безоружная Германия хватается за тактику «пассивного сопротивления», и все силы и все внимание сосредоточивается на борьбе с Францией. Если и будет подписано новое «соглашение», — эта борьба не может прекратиться. Лишенная Данцига, Мемеля, территории польского коридора, саарского бассейна, левобережной рейнской области и рурского района, Германия представляет политически разбитую, но экономически все еще мощную страну; и растущее озлобление против Франции, находящее себе выход в местных стачках на Руре, при развитии своем не раз вызовет еще нарушения Версальского договора, французские санкции. Оно может, в ответ на жестокие акты французского империализма, найти себе выход в партизанской борьбе против окупационных армий, против нового французского чиновничества на германских территориях, против поездов, увозящих «репарационные товары» во Францию и т. д. Германское правительство не в силах было бы в таких условиях помешать вооружению националистических организаций, т. е. явному нарушению Версальского договора.

Империализм имеет свою логику. До-военный империализм Германии и Австрии умерялся империализмом России и Франции. Они уравновешивали друг друга, сдерживая взаимные завоевательные поползновения. Но с того момента, как исчезла Австро-Венгрия, разбита Германия и ослаблена Россия, империализм Франции делается господином над Европой, и его экспансии не поставлено пределов. И «оккупации» т. е. аннексии больших территорий могут привести лишь к тем же результатам, к каким они всегда приводили в истории: достаточно вспомнить германскую оккупацию Украины — и ее катастрофу; наполеонские оккупации — и их неизбежный финал.

Социалистические партии всего мира, недостаточно сильные для того, чтоб своими силами изменить версальский договор, вынуждены были до сих пор ограничиваться требованием некоторого пересмотра наиболее тяжелых для Германии пунктов его. Но с того момента, как Франция, оставшись главным машинистом версальского локомотива, направляет его на все новые германские территории, на подавление народов и репарационные грабежи, она делает свой мирный договор из орудия мира — орудием войны. Чем дальше Франция проникает вглубь Германии, провоцируя воинственную реакцию; чем интенсивнее она будет толкать своих союзников— раньше всего Польшу — на карательные экспедиции; чем больше она откроет возможностей для притихших ныне большевистских милитаристов устранить от власти всех сторонников мира, т. е. последовательного экономического возрождения, и стукнуть бронированным кулаком по европейскому столу; чем энергичнее она будет документировать отсутствие в Европе всяческого равновесия, — тем больше она приблизит момент, когда рабочим партиям, социалистическому интернационалу, придется сделать своим главным лозунгом: «долой версальский договор!»

Но германская революция оказалась до сих пор недостаточно сильна, чтоб перестроить весь государственный механизм на республиканский лад. Она почти не сменила бюрократии, оставила реакционное офицерство во главе армии и сохранила большую независимость за отдельными составными государствами, из которых иные превратились в кузницу реакционного оружия. И поэтому чем более обострится борьба с Францией, тем легче во главе «нации» станет монархическая военщина и старые националисты. Между тем, если борьбе этой суждены некоторые успехи, они будут при таких условиях достигнуты за счет рабочего класса. И вместе с тем они могут принести не только облегчение участи Германии, но и перестройку демократической республики в республику венгерского образца или в фашистскую монархию. В этом громадная опасность начинающегося движения. С ней можно было бы управиться лишь в том случае, если б в рабочем классе оказались силы, чтоб политику противодействия французским оккупациям удалось сочетать

с активной и успешной борьбой за действительную демократизацию республики.

«Большая пресса» всех стран не перестает твердить о банкротстве социализма и социалистической политики. Между тем, полное, радикальное, решительное банкротство проявили самые великие мужи буржуазных партий, творившие версальский договор и в особенности проводящие его на практике.

И французская республика, под властью буржуазно-демократических партий, развивает такой могущественный милитаризм и такой безудержный империализм, который как будто для того и назначен, чтоб сказать всему миру: Этот демократизм — очень уж плохая опора для мира, демократии и республиканства! Он душит германскую республику сильнее, чем душил монархию, — и взращивает в Германии новый реакционный национализм. Он взял за горло Австрию и раздавил ее независимость. Он дольше всех сопротивлялся признанию русской революции. И теперь, не задумываясь о последстиях, он приступает к довольно откровенной аннексии самой ценной части Германии, — оставаясь преданным все тем же великим идеям «внеклассовой», т. е. буржуазной демократии!

Уроков мировой войны хватило на то, чтоб выдвинуть вперед рабочий класс Европы на два-три года. Но ослабленный коммунизмом, он с 1921 года вынужден был отступить и в настоящий момент не имеет нужной силы, чтоб преградить путь торжествующему империализму; в этом смысле «кризис» социализма — несомненный факт. Но практика последних двух лет и уроки нового после-военного империализма способны тысячей аргументов вновь подкрепить теорию и практику международного социализма: только растущее влияние рабочего класса, только давление социалистических партий может умерить пыл цивилизованных варваров на западе Европы и укротить террористических диктаторов на востоке; и только рабочие партии у власти явились бы **гарантией** против новой европейской катастрофы!

Первый шаг.

Решительной победой над вооруженной контрреволюцией и империалистической интервенцией была исчерпана прогрессивная миссия, возложенная историей на русский большевизм и позволившая ему, как бы наперекор всем законам экономики и социологии, воздвигать трон своей утопической, «коммунистической» диктатуры средствами голого насилия и террора. Год торжества большевиков над Врангелем был и годом первой крупной капитуляции их перед непреложными экономическими необходимостями: «коммунизм» был об'явлен орудием «военного» времени и сдан, вместе с пушками и пулеметами, на хранение в арсенал; на очищенном им месте воцарился «всерьез и надолго» Нэп, и успешная «торговля» была провозглашена высшею добродетелью вчерашнего воина большевистской рати. Красный палач Лацис покинул окровавленные подвалы Чека и, в качестве «красного купца», сел за прилавок торговать солью.

Но вместе с капитуляцией в области экономики совершилась и идейная капитуляция большевизма. Его «теория», эта бакунистско-якобинская фальсификация марксизма, никогда не отличалась ни

Война войне.

Только что минуло четыре года со времени окончания самой ужасной из всех войн. И нам уже приходится снова думать о средствах и путях избежания новой войны. Этот вопрос и стоял в порядке дня Гаагского международного конгресса, происходившего от 10 до 15 декабря прошлого года. Огромное большинство конгресса было того мнения, что наиболее действительным средством к предотвращению угрозы новой войны является всеобщая забастовка рабочих тех стран, между которыми возник конфликт.

Война, несомненно, такое ужасное зло, что мы обязаны решиться на самые тяжелые меры, чтобы избегнуть ее. Необходимо делать все, чтобы легкомысленно не подвергать рабочих опасности поражения; но, в случае угрозы войны, даже опасение неудачи не должно удерживать рабочих от всеобщей стачки, если только есть надежда, что проведение ее предотвратит войну.

Но этого, к сожалению, никак нельзя заранее предвидеть с уверенностью. Тридцать лет тому назад на международном конгрессе в Цюрихе в 1893 г. обсуждался вопрос, нельзя ли предотвратить войну путем забастовки, и речь шла тогда о военной стачке. Оставляя в стороне аргументы, которые говорили против специальной формы военной забастовки, решающим моментом, заставившим тогда отвергнуть самую мысль о забастовке, явилось соображение, одинаково относящееся ко всякой форме ее, а именно, что стачка в целях предотвращения войны может только тогда оказаться действительной, если она с одинаковой решительностью проводится в жизнь на обеих сторонах. Если возникает конфликт между двумя государствами, из которых одно настроено агрессивно, имеет сильную армию, но слабое рабочее движение, а другое — демократическое и с сильным рабочим движением, то попытка предотвратить угрозу войны посредством генеральной забастовки означала бы только поддержку грубого завоевателя. В результате получилось бы не предотвращение войны, а усиление в самой войне реакционного милитаристского государства.

Когда большевистская Россия во время мира разбойничьим образом напала на социал-демократическую Грузию, лозунг всеобщей стачки мог бы иметь действенное значение только в Грузии с ее сильным и свободным рабочим движением, а не в России, где пролетариат закабален до полного рабства. Забастовка в этом случае могла бы только помешать оборонительным действиям мирного грузинского правительства, но не остановила бы нападения разбойничьей банды, ныне диктаторски господствующей в России.

Мы не можем поэтому провозгласить обязанность рабочих любой страны без различия выступать против своего правительства, раз оно участвует в войне. Необходимо весьма тщательно разобраться в причинах, заставивших данное правительство принять участие в войне.

Этот взгляд был прежде общепринятым в Интернационале. Он признавал за каждой нацией право на самоопределение, а вместе с тем и право на защиту против всякого насилия. Он не требовал такого сопротивления лишь против правительства, которое агрессивно ведет войну с завоевательными целями. Напротив, он считал, что рабочие обязаны защищать свое отечество — особенно, если его правительство демократическое — против чужого насильника и завоевателя. Такого взгляда держались, напр., Маркс и Энгельс, Лафарг и Вайян, Бебель и Либкнехт, когда Пруссия и потом Германская империя в 1870—1871 г. г. начали войну против французской республики с

цельностью, ни последовательностью; и в психике увлеченных большевистскими иллюзиями масс всегда болезненно отражался мучительный разлад между мечтою и реальностью, словом и делом, увлекательными обещаниями и горькой действительностью. Но эта противоречивая теория шла на потребу практике, в конечных результатах которой были исторически заинтересованы широчайшие народные массы. И гражданская война железным обручем сковывала большевистскую партию и большевистскую мысль, навстречу которой со всех концов мира неслась потребность верить в социальное чудо, рожденное судорожными метаниями широких пролетарских масс, возмущение и революционная энергия которых беспомощно бились в послевоенном экономическом и политическом тупике.

Нэп и тут явился гранью. Исчезла большая историческая задача, заставлявшая приносить на алтарь общего дела не только свои интересы, но и свою критическую мысль. Стали радикально различны материальные и социальные условия существования членов вчера еще единой армии. Новые задачи потребовали новой идейной ориентировки. И попытки самих вождей большевизма софистицировать свою собственную «военную» теорию применительно к новым, «штатским» задачам «коммунизма» лишь подчеркивали в глазах вчерашних адептов ее кричащие противоречия. Свирепое подавление свободы союзов, слова, печати может задержать и исказить процесс идейного распада большевизма, помешать оформлению этого процесса во-вне. Остановить его оно не в силах. Печатаемое нами ниже «Обращение» группы коммунистов, принявшей название «Рабочая Правда», служит новым доказательством тому.

При всей теоретической путанице и литературной беспомощности это новое произведение большевистской «отреченной» литературы интересно в том отношении, что отражает особую струю в том процессе идейного брожения, который происходит в рабочих кругах, тесно связанных с большевистскою партиею.

На большевистских верхах идейный и психологический отход от вчерашних теорий коммунизма на новые, чисто буржуазные позиции совершается эмпирически, простым приспособлением умственного и морального склада к потребностям «коммерческой» деятельности и создаваемой ею обстановке: торгующим и «хозяйствующим» людям некогда и незачем задумываться над теориями. Апелляция к энтузиазму, самопожертвованию, гражданскому подвигу, вся эта бутафория героического периода «военного» коммунизма — гиль! Лишь чистоган есть вещь. И потому — долой плакаты, которыми раньше оффициальные газеты со дня на день призывали к «последнему и решительному бою», к штурму твердынь мирового капитализма! Теперь на место этих допотопных призывов «красный купец» смело пишет аршинными буквами: «покупайте заем, потому что он приносит 6 процентов и сулит выигрыш в 200 000!» И если оффициальная фразеология заставит этого купца вспомнить о социализме, то лишь затем, чтобы упомянуть, что и судьбы социализма находятся в теснейшей зависимости от успеха займа, ибо уже не «стальной пролетарский кулак», не военная «дисциплина и труд» Троцкого и даже не второсортный хлеб голодных—

целью разгрома ее и отнятия у нее Эльзас-Лотарингии против воли эльзасцев и лотарингцев.

На той же точке зрения стоял Бебель еще в 1907 г., когда была принята много раз цитировавшаяся резолюция Штуттгартского международного конгресса о войне. На с'езде германской социалдемократии в Эссене, происходившем в том же году, подробно обсуждалось отношение партии к войне. Бебель тогда неоднократно заявлял, что в защите отечества мы должны принимать участие.

Я тогда выступал против него не потому, чтобы отвергал эту точку зрения, а лишь потому, что считал необходимой осторожность; ибо в начале войны каждое правительство выставляет себя стороной, подвергшейся нападению, и нет совершенно возможности безошибочно установить, кто сторона нападающая и кто обороняющаяся. Легче определить цели войны и характер каждого из участвующих правительств и соответственно этому, для каждой страны взвесить, вытекает ли из этих целей и этого характера необходимость решительной борьбы против своего правительства.

Впрочем, и в отношении целей войны правительства вначале не всегда бывают откровенны и честны.

Пока мы в начале военного конфликта не в состоянии привести ясных доказательств, что наше собственное правительство вызвало войну и преследует при этом цели, идущие во вред общественному благу, до тех пор у нас не будет возможности мобилизовать массы против правительства, и мы сами будем в нерешительности, вправе ли мы парализовать его деятельность в такой решающий момент. И что бы мы заранее ни постановили, на деле повторится вновь та же печальная картина, которую представлял Интернационал в 1914 г.

Однако уже в 1907 г., в том самом году, когда мы с Бебелем в Эссене спорили по этому поводу, найдено было разрешение этого трудного вопроса, как отличить войну, в которой мы должны принять участие, от войны, при которой нам следует выступить против правительства.

Решение вопроса дал Жан Жорес, сделавший тогда на собрании в Париже доклад о Штуттгартском конгрессе. Он заявил:

«Принятое международным конгрессом в Штутгарте требование обязательной апелляции к третейскому суду упрощает все вопросы. Нет более необходимости разбираться в сложных и запутанных событиях и таинственных махинациях правительств, какое из них наступающая сторона и какое — обороняющаяся. Повинным в наступлении, врагом цивилизации, врагом пролетариата будет то правительство, которое откажется от третейского суда и тем толкнет людей на кровавые конфликты».

Этим в действительности дана была ясная и простая руководящая нить, которая открывает Интернационалу возможность быстрого и единодушного действия при самых трудных осложнениях, связанных с опасностью войны.

Почему, однако, мы в 1914 г. не действовали в этом направлении и почему сам Жорес не внес никакого соответствующего предложения на международной конференции в Брюсселе 29 июля этого года? Мы этого не сделали, ибо предполагали, что заинтересованные правительства сами стремятся к разрешению конфликта путем третейского суда. Жорес первый подчеркивал, что Франция и Англия сами действуют в этом направлении; зачем-же тогда давление всеобщей забастовки?

Такая стачка была бы тогда уместна в Австрии. Об'явив ультиматум Сербии и стремясь «локализировать» войну с нею, т. е. отклонив всякое посредничество, Австрия вызвала опасность войны. Но пролетариат Австрии был в июле 1914 г. до такой

кукуруза Раковского, нет, только заем, 6-процентный с выигрышами, «спасет Советскую Россию»!

Все, не порвавшие органической связи с рабочими массами элементы большевизма не могли, разумеется, спокойно и незаметно приспособиться к этой 6-процентной идеологии. Ибо к рабочим массам Нэп немедленно же обернулся и своей оборотной стороной. Он избавил их от ненужных страданий, вызванных экономической аракчеевщиной «военного» коммунизма. Он улучшил материальное положение некоторых слоев их и всему пролетариату открыл некоторый выход из тупика. Но он сейчас же бросил массы в жертву всем случайностям вольного рынка и «хозяйственного рассчета» с их страшным бичем — безработицей; он сейчас же поставил перед их глазами в кричащей наготе все социальные и экономические контрасты; он сейчас же дал им почувствовать всю пагубность разрушения самодеятельных рабочих организаций и системы социального страхования, весь гнет политического бесправия, парализующего борьбу рабочих за свои интересы.

Первые же шаги Нэп'а толкнули известные слои большевиков, теснее связанные с рабочими массами, к попыткам теоретически оформить свою оппозицию «верхам». Но до сих пор эта оппозиция, с негодованием отшатывавшаяся от «нового курса», искала спасения в возврате к старым утопиям: назад к октябрю! — было ее лозунгом. Но, естественный для кучки рабочих-большевиков, выварившихся в котле партийных традиций, и для выходцев из той вольницы, которая во-всю разгулялась в прекрасные дни после-октябрьской анархии, этот лозунг не мог встретить сколько нибудь широкого отклика в массах, у которых выветрились октябрьские иллюзии, но осталось неизгладимое воспоминание о годах голода, холода, нищеты, последовавших за «октябрем». «Рабочей оппозиции» этого типа суждено было остаться штабом без армии. Кнут и пряник, репрессии и подкуп очень быстро разложили ее.

В лежащем перед нами «Обращении» мы видим «рабочую оппозицию», ищущую выхода совсем в другом направлении. Она прямо отмежевывается от октябрьских «реакционных идеалов», от «до конца изжитых лозунгов и методов военного коммунизма». Она не отмахивается от октябрьской революции, как простой ошибки масс и преступления большевистской партии. Нет. Она признает ее «историческую необходимость». Но исторический смысл этой революции для нее не в том, что она распахнула перед отсталой Россией врата социалистического рая, а в том, что она «уничтожила все преграды на пути экономического развития России» и открыла перед нею «широкие перспективы быстрого превращения в страну передового к а п и т а л и з м а». Нэп есть ничто иное, как начало осуществления этих перспектив, и «жизнь на каждом шагу убеждает» рабочие массы, что они живут и борятся не в стране «диктатуры пролетариата, как неустанно повторяет устно и печатно коммунистическая партия», а «в стране произвола и эксплуатации». Жизнь на каждом шагу убеждает их в «противоречивости интересов и р а з р ы в е м е ж д у к о м м у н и с т и ч е с к о й п а р т и е й и р а б о ч и м к л а с с о м», в том, что «пропасть между РКП и рабочим классом все больше углубляется, а этот факт нельзя затушевать никакими резолюциями и постановлениями коммунистических с'ездов, конференций и т. д.»

степени придавлен шумной агитацией подстрекателей-шовинистов, что не только немецкие, но и чешские рабочие были бы не способны к энергичному массовому действию против войны. Не будь этой слабости австрийского пролетариата, быть может, удалось бы избежать войны.

Там, где не достает необходимой силы, остаются, к сожалению, мертвой буквой лучшие и важнейшие резолюции конгрессов.

И в настоящее время во многих государствах нельзя ожидать, чтобы всеобщая стачка рабочих могла удержать правительство от наступательной и завоевательной войны. Сюда относится не только Турция, но и государства европейского востока. Сюда относятся балканские государства так же, как и те страны, которые терпят у себя диктатуру, безразлично, будь то диктатура Хорти, Ленина или Муссолини.

Но в промышленно-развитой западной Европе, как и в англо-саксонских странах нельзя уже более начать войну против воли рабочего класса. От этих промышленных областей запада зависит также в значительной степени возможность ведения войны аграрными странами востока, ибо только запад в состоянии производить в большом количестве новейшие военные материалы. Так, достаточно сопротивления индустриальных и транспортных рабочих капиталистически-развитых государств, чтобы помешать агрессивной стране востока успешно вести войну.

Таким образом, нам необходим такой Интернационал, Исполком которого, в случае военной угрозы, был бы в состоянии быстро и ясно установить, какое из участвующих правительств угрожает миру. И тогда Интернационал должен призвать всех рабочих, которые могут воздействовать на нарушителя мира, парализовать его деятельность, как изнутри, так и извне страны.

Предложение Жореса будет при этом прекрасным средством, чтобы отличить миролюбивые правительства от воинствующих и поднять против нарушителей мира народные массы, которым не придется уже опасаться, что таким путем они подвергнут свое отечество опасности чужого нападения.

Всеобщая забастовка, как самое острое оружие в борьбе за мир, и международные третейские суды тесно связаны между собой. При тяжелых конфликтах институту третейского суда грозит опасность разбиться о нежелание правительств, если он не будет поддержан давлением рабочего класса. С другой стороны, следует опасаться, что в некоторых сложных случаях всеобщая забастовка либо встретит сопротивление в самих массах, или всей своей тяжестью ударит более по миролюбивому правительству, чем по его агрессивному противнику, если стачка при угрозе международного конфликта будет одинаково направлена против каждого из участвующих правительств.

В борьбе за сохранение мира между всеобщей забастовкой и третейскими судами должна быть установлена тесная организационная связь. Только при наличии этой связи действие их окажется плодотворным. Мне кажется крайне важным для друзей мира принять на предстоящем международном конгрессе все меры, чтобы эта тесная связь между всеобщей забастовкой и третейским судом в войне против войны была признана рабочими всех стран, и чтобы там, где это необходимо, она энергично проводилась в жизнь под руководством Интернационала.

Как в последние годы перед мировой войной живой Жорес был самым надежным нашим руководителем в борьбе за мир, так и ныне, уже мертвый, он будет играть эту роль. **Карл Каутский.**

Вот — оставляя в стороне различного рода несуразности относительно мирового и внутри-русского экономического положения, роли буржуазии и «организаторской интеллигенции» и т. п.—основные линии того анализа русской действительности, который дают и из которого исходят авторы «Обращения». Такое ясное высказывание «того, что есть», несомненно, ново для большевистских кругов, как новы и ясно формулируемая мысль о «необходимости создания рабочей партии», и признание того, что в современной русской обстановке борьба за демократию, как за «условия, обеспечивающие минимум возможностей в политической, экономической и культурной борьбе рабочего класса», является очередной задачей рабочей партии.

На этом первый шаг, сделанный авторами обращения в смысле возврата от большевистского коммунизма на классовые пролетарские позиции, собственно говоря, и кончается. Они настолько пленены традициями партийной дисциплины и боязнью крутого разрыва со своим вчерашним днем, что, принимая в существеннейших чертах «ценный во многих отношениях анализ» меньшевиков, с испугом отшатываются от диктуемых этим анализом последовательных выводов— конечно, не только «страха ради иудейска» быть заподозренными в общении с этим нечестивым племенем.

Конечно, меньшевикам они совершенно облыжно приписывают желание и огульной денационализации, и, особенно, возвращения национализированной собственности «бывшим владельцам». Но, признав «развитие капитализма в России», они боятся додумать до конца вопрос о том, в каких же формах оно будет совершаться, и укрываются за туманную фантастику капиталистического производства без частной собственности на средства производства, без буржуазии, замещаемой какой-то «организаторской интеллигенцией», состоящей на службе висящей в воздухе РКП.

Слишком велик прыжок, и слишком беспомощна мысль, так долго стиснутая в большевистских колодках. Это сказывается не только в до жалости узких и неуклюжих формулировках «задач рабочей партии» в области международной и внутренней политики, профессиональной и культурной работы, но и больше всего в том факте, что авторы не с'умели дать сколько-нибудь широкой картины группировки и настроений всех социальных сил современной России и определить место и задачи рабочего класса в борьбе этих сил. Только что провозгласив «необходимость создания рабочей партии», они тотчас же с'узили задачи этой партии до пределов «чисто-рабочей» политики, экономики и «культработы»; более того — самое партию с'узили чуть не до размеров «пропагандистских кружков» в недрах той самой РКП, которая, по их же словам, «все бесповортнее теряет связь и общность с пролетариатом».

С точки зрения программно-теоретической, можно сказать, что гора родила мышь. Но не так представляется дело, если подойти к нему с точки зрения оценки тех идейных процессов брожения, которые совершаются в умах большевистских рабочих. Как бы сильно ни хватал идейно мертвый «коммунизм» живую рабочую мысль, бьющуюся в поисках выхода из тупика, первый шаг сделан, первое решающее слово сказано...

Мы не знаем ни состава, ни численности той группы, от имени которой говорят авторы «Обращения». Но что мы знаем несомненно, так это то, что те мысли и настроения, которые бродят в их голове, отнюдь не составляют их личного достояния, а являются отражением идейных сдвигов, происходящих в более широких большевистских кругах. Ведь, то, что теперь, в конце второго года Нэп'а говорит «Рабочая Правда», это — лишь попытка осмыслить и теоретически формулировать те настроения, которые на заре его, в мае-июле 1921 года, надрывным воплем выкрикнул старый рабочий-большевик Мясников: «вы замахиваетесь на буржуазию, а у меня кровь из зубов, а скулы трещат у нас, рабочих!»*). Это — попытка вырваться из того клубка противоречий, в котором бьется практика большевиков-профессионалистов**), разрешить «миллион терзаний» всякого рабочего-коммуниста, оставшегося у станка, посреди братьев по классу, всякого честного большевика, для которого социализм и классовая борьба не растворились без остатка в «шестипроцентном, выигрышном»...

Непоследовательный, робкий, до конца не додуманный, не страхующий от рецидивов шаг, но все же — первый шаг вперед! **Ф. Дан.**

Еврейский пролетариат в обстановке нэпокомунизма.

«Нэп» резко изменил лицо еврейской жизни в Советской России. Люди, выбитые из седла коммунизмом, его национализациями и конфискациями, потерявшие в огне гражданской войны, погромов, красного и белого террора свое достояние и всю свою обычную призрачную устойчивость — сейчас при «нэпе» как будто воскресли из мертвых и, как муравьи, начали вновь копошиться и воздвигать свое здание. Выходцы из местечек, разрушенных войной и погромами, они скопились в более крупных центрах; — еврейский торговец, приказчик, ремесленник, служащий, полуинтеллигент нашел широкое применение своим способностям в «нэпе».

Весьма возможно, что «неп» мог бы помирить с советской властью кой-какие круги еврейской буржуазии, особенно из числа новых собственников, порожденных революцией, — если бы советская власть всей своей политикой среди евреев не отталкивала от себя даже самые беспринципные, самые умеренные элементы средней и мелкой буржуазии. Широкие буржуазные круги, у которых пламя революции обожгло последние иллюзии и для которых недоверие к свободе и демократии стало господствующим настроением — могли бы легко уместиться в какой-нибудь сменовеховской формуле признания советской власти***), если бы не существовал ряд причин, властно влекущих за собой отрезвление и неизбежно создающих условия, при которых еврейская буржуазия, упираясь, вынуждена поставить перед собой вновь вопросы политики.

Из оффициальных отчетов и корреспонденций коммунистической прессы можно увидеть, каких ужасающих размеров достигла эпидемия голода на Украйне в колониях, местечках и городах и даже в таких крупных центрах, как Одесса, Екатеринослав, Елизаветград, Херсон, Николаев.

---

*) См. «Соц. Вестн.» № 4 (26) от 23 февр. 1922 г., ст. «Замечательный документ».

**) См. Соц. Вестн.» № 1(47). Ст. С. Шварца «На повороте».

***) Правда, еврейское сменовеховство (не в форме системы идей, а в смысле настроения) было продиктовано отнюдь не рассчетом на поворот власти в области экономики, а исключительно соображениями самозащиты от погромной вакханалии. Ужасающая по своим размерам и жестокости волна погромов белых армий, связанных с именами царских генералов и всякого рода авантюристов гражданской войны, — настолько превосходила все то, что было ненавистно населению в большевистском режиме — что выбор было сделать не трудно.

Достаточно сказать, что свыше сотни тысяч людей живут исключительно на средства еврейской филантропии, преимущественно из Америки.

В Одессе на улицах евреи умирают десятками от голода, а на кладбище ждут очереди покойники, которых не успевают хоронить.

В Орехове, запорожской губ. — пишет корреспондент «Эмеса» из 150 еврейских семейств осталось 12, остальные умерли от голода (№ 138). То же самое наблюдается в еврейских колониях, в таких недавно хлебных центрах, как Мелитополь, Бердянск, Геническ и мн. др. (№ 138). А если к этому прибавить растущую пауперизацию масс, особенно семей, выброшенных из погромленных местечек в крупные центры, — и безработицу, вследствие сокращения штатов советских канцелярий и закрытия государственных предприятий — станет ясно, что «нэп», впитывая в себя спекулянтов и хищников, вызывает и среди еврейского населения прогрессирующий рост социальных контрастов. Такова экономика, которая властно вызывает на сцену призрак политики.

I. Еврейские коммунисты.

На помощь этому самоопределению еврейской буржуазии приходит сама советская власть, которая со свойственным ей уменьем продолжает приумножать число своих врагов. Борьба с сионизмом и клерикализмом, — которая всегда стояла на знамени еврейских социалистических и демократических групп, борьба за освобождение еврейских трудящихся масс от реакционных влияний старых националистических и религиозных предрассудков ведется советской властью — в лице монополистов еврейской улицы — еврейских коммунистов — в такой форме и такими методами, — что она может вызвать только отвращение всех честных людей.

Обыски, аресты, преследования инакомыслящих, об'явление вне закона — раввинов и меламдов (евр. учителей), насильственное закрытие хедеров и ешиботов (евр. религ. школ) вот что преподносится еврейской массе под видом борьбы с клерикализмом и сионизмом. Как всегда, развращая малосознательных рабочих, а других заставляя примкнуть под угрозой репрессий и увольнения с работ, — Евсекция (Евр. Секция Р. К. П.) во всех городах инсценирует рабочие собрания, конференции (конечно «беспартийные»), которые выносят «приговоры» над клерикализмом и сами участвуют в облавах и обысках. Если вы возьмете №№ «Эмеса» за осенние месяцы, — вы убедитесь, что у советской власти есть новый фронт: это — еврейские клерикалы. Во всех городах открывают новые очаги «контр-революции», (так буквально пишут эти господа!): это хедера, влачащие существование в подполье и нищие меламды, ни аза не смыслящие в политике и ею никогда не интересовавшиеся. А старика раввина Барышанского, которому дали выступить на беспартийной конференции в Гомеле, чтобы потом арестовать и приговорить к трем годам тюрьмы, — превращают в «еврейского Тихона», который-де организовал восстание против советской власти» и даже об'единял нэпманов и спекулянтов, недовольных вывозом из губернии хлеба для голодающих и возмущенных высокими налогами. Так, опытными руками, инсценировавшими в чека немало «заговоров», сделано и «дело о контр-революции» маленького уездного раввина...

Результаты, конечно, получились обратные. Стоит прочитать в «Эмесе» (№ 133) описание того собрания, на котором выступал этот раввин в переполненном зале театра, чтобы увидеть, что политически самые широкие круги еврейского населения возмущены деятельностью Евсекции. Когда мы читаем о ночных шествиях и демонстрациях протеста евреев — торговцев и ремесленников, об огромном движении в защиту хедеров, ешиботов, синагог, раввината, о ночной молитве на синагогальном дворе под открытом небом при попытке превратить синагогу в красноармейский клуб, — становится ясно, что коммунистическая борьба с клерикализмом только усиливает шансы последнего. Со всех сторон идут об этом вести. Мелкобуржуазный народ, исстрадавшийся от белого и красного террора, под впечатлением покушений на религию, проникается сочувствием к новым «мученикам идеи», проникается националистическими, сионистическими настроениями, и возвращает свои уже отцветшие давно симпатии синагогам и раввинам. В органе польского Бунда, в Volkszeitung'е, недавно (№ 66) была напечатана обширная корреспонденция из Киева, в которой автор, повидимому, сочувствующий коммунистам, вынужден признать рост религиозных настроений, нарождение настоящей секты, привлекающей к себе сердца и взрослых и детей, распространение мистических и аскетических мировоззрений, естественно возникающих на почве хозяйственного распада и политического и религиозного гнета. Так «диалектически» превращается борьба с клерикализмом в распространение клерикализма. — Параллельно с этим наблюдается и другое явление. Безграмотность растет, несмотря на широко об'явленную «ликвидацию безграмотности». Когда все культурные учреждения переводятся на «хозяйственный расчет», — конечно, в первую очередь гибнут скудные ростки еврейской светской культуры.

Корреспонденции «Эмеса» из Бердичева и Мозыря, Бобруйска и Киевской губернии свидетельствуют о том, что все поры просветительной деятельности в сущности захвачены националистическими элементами. Из Бердичева сообщают, что все идет хорошо, но клуб имени Бронислава Гроссера (бывш. бундовский) закрывается (№ 137). Даже во Всеобуч в Бобруйске пробрались сионисты и основали там кружок для исполнения древне-еврейских песен (№ 134). Но вот нашлось счастливое исключение, где царит благополучие: уездный город Новозыбков (№ 142). Там коммунисты и беспартийные ведут разнообразную культурную работу и хотят открыть культур-лигу. Казалось бы, надо только радоваться! Нет, редакция «Эмеса» предостерегает от открытия культур-лиги, которая может усилить влияние мелкобуржуазных элементов. Ибо культур-лига, — не та, свободная, независимая организация, которая была широко популярна в еврейской массе Украины и которая в конце 1920 года была проглочена коммунистической щукой, — даже казенная коммунистическая культур-лига, на порог которой не пускают ни одного... социалиста, — даже и она взята под подозрение. В сущности, это больше всего характеризует положение культурной работы.

II. Еврейский рабочий класс.

Было много причин, почему значительные слои еврейского пролетариата на Украине и Белоруссии дали резкий уклон в сторону коммунизма. Еврейские рабочие массы, втянутые в большевистский водоворот, распылились в нем, потеряли собственное лицо и стали жертвой стихии, а старая социал-демократическая партия еврейского пролетариата — Бунд — а за ним и другие, мелкие социалистические группировки получили серьезные бреши под ударами революционного урагана. И если сейчас вспомнить и оценить этот вчерашний день еврейского рабочего движения в России, то надобно признать, что, помимо «закона притяже-

ния больших масс», настроения еврейского пролетариата отразили не только коммунистические иллюзии его, но главным образом национальные его переживания. Этот момент — момент национальный, к которому национальные меньшинства вообще, а еврейское в особенности чрезвычайно чувствительны, сыграл в свое время большую роль в смысле притяжения к советской власти и расширения ее базы и стал в сущности определяющим в период войны с Польшей весной 1920 года, когда перспектива польской оккупации для части Украины и западного края заставила еврейские массы склонить чашу весов своих симпатий к коммунистам.

Но осенью 1920 года уже началась «переоценка ценностей». Сочувствие к социалдемократическому Бунду вновь уже можно было отметить среди еврейских рабочих на выборах в советы в Екатеринославе, Харькове, Кременчуге, Витебске и других городах. В западных губерниях, в частности в Витебске и Гомеле, организациям с.-д. Бунда удавалось сохранить исключительное, поражающее в атмосфере безудержного террора влияние. К весне 1921 года после Кронштадских предостережений, когда начались «великие реформы» и был об'явлен «нэп», разочарование в коммунизме стало всеобщим в рядах еврейского пролетариата, конечно, часто сопровождаясь ростом апатии и равнодушия к политике вообще. Дальнейшее отрезвление и освобождение рабочих от последних иллюзий явилось заслугой «нэпа», который в еврейской обстановке с исключительной быстротой разоблачил коммунистов и вскрыл сущность их работы. Широкими кругами еврейских рабочих, которые остались у станка, за швейной машиной, за сапожной колодкой быстро и прочно усвоена призрачная ценность лозунгов Коминтерна. Комбунд (Коммун. бунд), превратившись в Комфербанд (Комм. Союз), а затем ставши Евсекцией Компартии, успел по пути растерять своих членов и на местах, по общему признанию, влачит самое жалкое существование — непризнаваемый верхами собственной компартии. Еще сейчас, через два года с лишним, Евсекциям приходится начинать с азов и подымать вопрос о том, что «должен быть положен конец той оторванности от профессиональной жизни, которая характерна для большинства секций» (см. любопытную резолюцию харьковского совещания Евсекций № 137). Еще до сих пор в борьбе за признание РКП им приходится в той же резолюции пенять на то, что Киевский губком мешает работе Евсекции и лепетать о том, чтобы на партийных собраниях допускались наряду с языком национального большинства и «другие местные языки». Единственные реальные завоевания на столбцах «Эмеса» измеряются числом посаженных в ЧК раввинов и закрытых хедеров — добыча не особенно большая, — в сущности целиком совпадающая с добычей и функциями чеки.

«Нэп» сыграл большую роль не только в деле разоблачения иллюзий, но и в уяснении экономической действительности массам. Уже общая коммунистическая пресса вынуждена давать материал, свидетельствующий о росте безработицы, о росте нужды в евр. рабочем классе, ухудшающихся условиях труда в государственных и частных предприятиях, о постоянной недоплате жалованья рабочим, о полном отсутствии охраны труда и т. д. Но и «Эмес» от случая к случаю проливает свет на этот вопрос. Мы узнаем, что в Минске практикуется худший вид эксплуатации (главным образом, женского и детского труда), — раздача работы на дом. Мы узнаем, что в том же Минске ремесленники (они, впрочем, зачислены в «нетрудовой элемент») имеют **двадцатичасовой** рабочий ден (№ 105). Из данных о безработице в западном кра мы получаем картину, рисующую острое повыше ние безработицы, — особенно в Витебске, где д ликвидации в конце 1921 г. (по постановлени Ц. К. Р. К. П.) «Комитета по борьбе с безработи цей» фактически не было безработных рабочих Так, в Витебске к 1 мая было 1630 безработных, и них 868 евреев — 53,2% — 341 портных, 113 с пожников, 248 советских служащих и пр. В ма было уже 1065 безработных евреев, а на 1 июн число их возросло до 1313 человек (№ 141). В Го меле, другом крупном еврейском центре, летом счи талось свыше 3½ тысяч безработных (№ 139): н только служащие, но сюда входят металлисты, ко жевники, пищевики и портные (в последнем сою 75—80% безработных). То же явление в ужасаю щих размерах наблюдается в Екатеринославе и Житомире, — в последнем 58% безработны евреев. Рост безработных означает ухудшени общего положения рабочего класса, грози пауперизацией масс. Уже упомянутая нам Харьковская резолюция вынуждена констатиро вать, что безработица деклассирует часть пролета риата и создает почву для «мелкобуржуазных на ционалистических настроений».

Нет сомнения, что обостряющиеся классовы противоречия, необходимость борьбы за сносны условия жизни и труда ускорят процесс подве дения итогов и будут связывать в сознании раб чих борьбу экономическую с борьбой политич ской под знаменем социалдемократии.

Г. Аронсон.

„Красные промышленники."

I.

В течение второй половины 1921 г. и первой половин 1922 г. происходит процесс перестройки нашей государ ственной промышленности: государственные предприя тия быстро переходят на начала т. н. «хозяйственного т. е. частно-капиталистического рассчета и об'единяютс в многочисленные тресты, стремящиеся возможно точн копировать формы об'единения промышленности, выраб танные практикой капиталистического Запада.

Перестройка государственной промышленности сопро вождается кристаллизацией нового общественного сло это директора и члены правлений трестов и директор промышленных предприятий. Среди них, особенно в тр стах, немало людей, и до революции близко стоявших делу управления промышленностью; но рядом с ними в двинулся новый многочисленный слой; это люди, подн шиеся на вершину хозяйственной пирамиды в годы р волюции, нередко и сами принимавшие участие в ее з щите на многочисленных фронтах. Старая промышленн бюрократия держится в тени, выполняя свою работу качестве «спецов», и во вне от имени промышленнос выступают с рвением неофитов лишь новые люди. Это естественное разделение труда, полубессознательное п способление к условиям советского быта, облегчаю идеологическую защиту нередко грубо капиталистичес практики.

Как и процесс организационной перестройки госуд ственной промышленности, процесс первоначальной к сталлизации нового общественного слоя — «красных п мышленников» — к середине 1922 года в основных черт можно считать законченным.

Капиталистические тенденции новых промышленни сказались при этом с такой яркостью, что не выдержа наконец, и официальная профессиональная пресса.

«В последнее время одним из самых наболевших в просов рабочей и профессиональной жизни Петрогра является вопрос о взаимоотношениях хозяйственных о ганов и профсоюзов», пишет петроградский корреспонде «Труда» (№ от 27 июля): «Хозяйственные органы, в ли государственных трестов, стремясь как можно боль сократить падающие на них накладные расходы, пр являют **тенденцию идти по линии наимен**

шего сопротивления, пытаясь создать экономию в отношении тех рессурсов, которые должны быть ассигнованы на те или иные нужды рабочих... В результате на целом ряде предприятий петроградской промышленности рабочие лишены самой элементарной медицинской помощи... Мало того, *заводоуправления не желают считаться даже с кодексом законов о труде, игнорируя сплошь и рядом статьи по охране труда.* На *многих* петроградских предприятиях законный отпуск на время болезни или беременности не дается. В виду безработицы, *под угрозой сокращения, которое сейчас покрывает всякое безобразие, рабочие молчат. ...Стараясь перенять капиталистические приемы торгово-промышленной деятельности, хозяйственные органы вольно (!) или невольно перенимают и капиталистические приемы эксплуатации».* (Курсив здесь и ниже везде мой — С. Ш.).

И почти дословно то же мы читаем в передовице «Труда» от 18 августа:

«Поразительна та легкость, с какой наши ответственные хозяйственники выбирают линию наименьшего сопротивления всякий раз, когда дело касается интересов рабочих». И автор недвусмысленно напоминает «чрезмерно увлекшимся хозяйственникам», что «линия наименьшего сопротивления, какую они избрали, не всегда оказывается таковой на деле».

«Нужно отметить, что *наши хозяйственники, даже лучшие из них (!), удивительно быстро усвоили себе нравы и вкусы бывших хозяев-капиталистов*» («Труд» от 17 августа, ст. Гиринкса); завкомы бессильны сопротивляться «*возродившемуся абсолютизму предпринимателей*». И в том же номере «Труда» другой сотрудник, на этот раз с крупного московского завода, пишет:

«Вот у нас не так давно сокращение штатов было. Так тут наше начальство разгулялось. Со всеми счеты свело. Всех неблагонадежных, крикливых — вон, а такими оказались почти все старые пролетарии, которые на этом самом заводе по несколько лет работали. У нас теперь почти одни крестьяне остались, потому эти — тихони... *Говорить вслух боятся. А между собой черт знает что говорят. И уже не разберешь, что правда, а что так, от злости*».

Стремление к «абсолютизму предпринимателей» явилось одной из главных причин сопротивления «красных промышленников» заключению коллективных договоров. «Хозорганы оказывали и продолжают оказывать решительное сопротивление переходу на договорные отношения с союзами», читаем мы в «Труде» от 1 сентября в статье, подводящей к Всеросс. с'езду профсоюзов *итоги* договорной практики на местах. Свое несогласие на заключение коллективных договоров промышленники обычно мотивировали невозможностью платить устанавливаемую в договорах заработную плату. Мы к этому еще вернемся; но это далеко не единственная причина их упорства. Екатеринбургский корреспондент «Труда» (№ от 25 августа), подводя к Всерос. с'езду профсоюзов *итоги* уральской союзной практики, констатирует стремление хозорганов уклоняться от заключения коллективного договора «*даже при наличии реальных возможностей*». Рассчет тут у хозяйственников простой: «Постоянная задолженность, *тяжелые условия существования рабочих рассматриваются, как нечто* неизменное и независящее от чьей либо воли и даже, как это имело место, *способствующее удешевлению продуктов производства*».

Это сопротивление «красных промышленников» заключению коллективных договоров союзам в значительной мере удалось преодолеть. Но тут обнаружилась новая беда. Договоры заключаются, но сплошь и рядом не исполняются. Декабрьский пленум ВЦСПС в резолюции о тарифно-экономической работе союзов вынужден был отметить «*массовые* случаи нарушения хозорганами условий общей и особенно правовой части договора» («Труд» от 26 декабря). Еще хуже обстоит дело с исполнением тарифной части договора. Задолженность предприятий по заработной плате приняла громадные размеры. «Петроградские тресты не принимают никаких мер для ликвидации своей хронической задолженности и не считают даже нужным обратить должное внимание на этот вопрос» («Труд» от 1 сентября). Уральские промышленники, как мы только что видели, склонны даже считать задолженность положительным фактором.

В вопросах повышения заработной платы «красные промышленники» оказывают упорное сопротивление. «*Зубами приходится вырывать у хозяйственников согласие на повышение заработной платы*» («Труд» от 12-го декабря). Мотивируется это обычно недостатком средств, но в то же время огромные средства расходуются на всевозможные «накладные расходы» и особенно на содержание руководящих органов. «Производственные программы и финансовые сметы отдельных трестов свидетельствуют о том, что они намереваются работать по-прежнему с громадными накладными расходами», читаем мы в передовице «Труда» от21-го ноября: «Об экономии средств нет и намека. Консервтрест, например, представляет финансовую смету на новый операционный год, из которой выясняется, что *расходы по содержанию одного только треста вдвое превышают всю сумму заработной платы рабочим всех его предприятий, вместе взятых*».

В текстильной промышленности заработная плата составляет — в прядильном производстве лишь 5,54 проц. всех расходов против 9,23 проц. до войны, — в ткацком 6,20 проц. всех расходов против 13,69 проц. до войны («Торгово-Промышленная Газета» от 13-го декабря). Причем здесь, повидимому, засчитана как заработная плата рабочим и служащим, так и оплата высшего персонала; между тем последняя, как мы видим на крайнем, правда, примере консервного треста поглощает огромную долю, относительно во всяком случае значительно большую, чем до войны.

В лице «красных промышленников» встают пред нами люди, в массе своей определенно враждебные рабочему классу. Связь многих из них в прошлом с защитой революции на фронте или с профессиональным движением нередко не только не ослабляет, а усиливает их антирабочие черты. С фронта они принесли с собой примитивное представление о дисциплине, как о беспрекословном подчинении приказаниям начальства, неуважение к человеческой личности, презрение к демократии, глухо враждебное отношение ко всем попыткам связать их деятельность нормами, в выработке и проведении которых в жизнь организованно участвуют те, кем они призваны управлять. Из проф. союзов, старых казенных проф. союзов они вынесли навыки бюрократизма, привычку не считаться с рабочей массой, игнорировать ее интересы, привычку относиться к выдвиганию союзами тех или иных требований в интересах рабочих, как к чему-то, совершаемому лишь для формы, неискреннему, несерьезному. Недаром, когда союзы добиваются повышения заработной платы, «особое упорство проявляют те хозяйственники, которые лишь недавно ушли от общесоюзной работы» («Труд» от 13-го сентября). И недаром совершенно сгладилась резкая грань, отделявшая когда-то вышедших из среды старой промышленной бюрократии «спецов» от взявших в свои руки управление промышленностью новых людей. Они подали друг другу руки. Теперь они и социально, и идеологически представители одного и того же общественного слоя.

Наша социально-политическая характеристика «красных промышленников» была бы неполной, если бы мы не остановились на их попытках создания корпоративного об'единения промышленников.

2.

Начало корпоративной организации «красных промышленников» относится к лету 1922 года. Сначала на Украине, а затем в Всероссийском масштабе создалось временное бюро совета с'ездов трестированной промышленности, транспорта и торговли, избранное на совещании представителей трестов. Задачи бюро и совета с'ездов сводились к «выявлению перед государством нужд промышленности, транспорта и торговли и всесторонней защите их интересов». Об'ективно мы имеем здесь пред собой попытку к возможной эмансипации промышленников от государства и к сплочению фронта промышленников против рабочих.

Оффициально, конечно, это не так. Всероссийский совет промышленности торговли и транспорта должен быть, рядом с ВЦСПС, второй «корпоративно-обществен-

ной организацией пролетариата» (Межлаук в «Эконом. Жизни» от 13-го октября), должен «организовать общественное мнение трудящихся вокруг нашей крупной промышленности» (Гольцман на декабрьском совещании промышленности и транспорта; см. «Труд» от 19 декабря). Но в искренность этих формулировок идеологов новой организации никто, конечно, не верит. Подлинное лицо организации «красных промышленников» сказывается в отношении ее к конкретным социально-политическим вопросам.

27-го сентября бюро с'ездов созвало совещание представителей трестов для обсуждения вопросов труда. От имени бюро докладчик Прасолов настаивал на необходимости «сдерживающей политики» по отношению к профсоюзам, так как союзы «на практике забегают вперед». «Главной задачей бюро с'ездов поэтому является координация совместных выступлений красных промышленников и более пристальное их внимание к вопросам труда». «Необходимо организованной промышленности пересмотреть кодекс труда и внести в него свои поправки». Представитель Главэлектро подчеркнул, что «бюро с'ездов должно будет предупреждать поход профсоюзов на промышленность». Резолюция, принятая совещанием, признает необходимым «активное участие организованных красных промышленников» «в пересмотре действующего законодательства и в органах, руководящих и регулирующих вопросы труда» («Труд» от 29-го сентября).

«Содержание, характер, а главное тон (курсив «Труда») программных выступлений наших ответственнейших красных промышленников таковы, что мимо них пройти невозможно», читаем мы в передовице «Труда» (от 30-го сентября), посвященной этому совещанию. И автор напоминает «нашим уважаемым директорам», что «они не одни на этом свете, и что ежели дело пойдет на «противопоставление», то им придется встретиться с таким напором, от которого, пожалуй, кое у кого и кости затрещат (!); действие неизбежно вызывает противодействие».

Организация красных промышленников от слов переходит к делу и пытается руководить государственными предприятиями в области политики заработной платы. Поведение неподчиняющихся его директивам бюро с'езда квалифицирует, как «прорыв фронта промышленной солидарности в вопросах заработной платы», и грозит апелляцией в Наркомфин и ВСНХ («Эк. Ж.» от 15-го октября).

Характерна для этой организации и идея преемственности с организациями предпринимателей, как они сложились еще задолго до революции. Межлаук в цитированной выше статье определенно говорит о необходимости «воскресить с новым содержанием формы, аналогичные высшим формам капиталистической организации хозяйства, в том числе и советы с'ездов промышленности». А вышедший в конце ноября № 1 «Вестника Промышленности и Торговли» ставит принципиально знак равенства между советом с'ездов и дореволюционным советом с'ездов нефтепромышленников и горнопромышленников с обществами фабрикантов и заводчиков; организации эти окутаны здесь розовой дымкой: по своей работоспособности «рабочий аппарат в этих организациях далеко опережал самые либеральные городские самоуправления и земства» (цитировано в «Труде» от 12-го декабря).

«Красным промышленникам» становится тесно в рамках государственной организации промышленности, и они твердо ведут свою линию к созданию, помимо госорганов, корпоративных органов промышленников. Вопрос этот вызывал в течение последнего полугода горячие споры. ВЦСПС и отчасти ВСНХ не раз возражали против этих планов. Еще на декабрьском пленуме ВЦСПС Томский грозил «красным промышленникам», что если они создадут параллельную ВСНХ организацию, то «создастся фронт в профессиональных союзах против красных директоров» («Труд» от 20-го декабря). Но происходившее одновременно совещание крупной промышленности и торговли постановило создать специальный постоянный «представительный орган промышленности, торговли и транспорта», состоящий, правда, «при президиуме ВСНХ», но фактически являющийся органом, — употребляя выражение Смилги, выступавшего докладчиком по этому вопросу, — «промышленной корпорации». И пленум ВЦСПС должен был примириться с этим, постановив, что он «не возражает» против создания «обладающего совещательными функциями» органа при президиуме ВСНХ, хотя «категорически отвергает идею самостоятельного корпоративного об'единения промышленников» («Труд» от 26-го декабря).

Так у нас на глазах происходит идеологическое и организационное об'единение «красных промышленников», сплочение их в боевые предпринимательские организации, которые уже показывают свои зубы рабочим. Перед рабочими организациями встает задача отпора наступлению организованного капитала. И вольно или невольно, профсоюзы должны будут взять на себя эту задачу.

С. Шварц.

ПО РОССИИ.

Выборы в советы.

На страницах советской печати за последнее время появился ряд заметок и статей, посвященных выборам в Советы в селах и деревнях.

Помимо обычных разглагольствований об уклоне крестьянских масс в сторону коммунизма, эти статьи снабжены также и цифровыми данными, которые представляют собою чрезвычайно любопытный и поучительный материал.

Сразу бросается в глаза то обстоятельство, что на выборах в сельские советы, т. е. в советы, которые непосредственно избираются крестьянами, коммунисты проходят в ничтожном количестве. Процент их в сельских советах в общегубернском итоге колеблется от 2 проц. до 7.

Из тех же заметок мы узнаем, что при выборах в волостные исполнительные комитеты, коммунисты получают около 20 проц. всех мест. Идя дальше, мы имеем: в уездных советах коммунисты получают 40—50 проц., в губернских советах 70—75 проц., на Всероссийский С'езд посылается 90—95 проц. а в ВЦИК все 100 проц.

Таким образом получается: на выборах в сельские советы, где давление «комищеек» сведено до minimum'a, коммунисты получают смехотворный процент голосов. Идя дальше по советской лестнице мы видим, что процент коммунистов сильно увеличивается и на Всероссийском С'езде их уже подавляющее большинство. Какое режущее глаз несоответствие между составами сельских советов и Всероссийского С'езда!

Аналогичный процесс совершается и в профсоюзах.

Недавно в Москве состоялись губернские с'езды многих профсоюзов, причем знаменательно, что во всех их коммунисты оказались в меньшинстве. У металлистов, текстильщиков, печатников, химиков и пр. и пр. коммунистов было около 35 проц. а то и меньше. На всероссийских же с'ездах они получают большинство. На Всероссийском С'езде всех Проф. Союзов они уже имели 90 проц., в пленуме ВЦСПС, все 100 проц. Словом точь в точь как в советах, но это уже не у крестьян, а у рабочих.

Чем ближе к массе, тем незначительнее влияние коммунистов.

Конечно, они могут возразить: а выборы в городские советы?

Разве коммунисты не имеют там 70—80 и даже 90 проц. мест?

На вопросе о том, выражают ли городские советы истинную рабочую волю, я замечу следующее:

Весной 1921 г. происходили выборы в Московск. совет, причем коммунисты получили 86 проц. всех мандатов. Они торжествовали победу и писали, что эти выборы лишний раз подтверждают, то колоссальное доверие, которым РКП. якобы пользуется в рабочих кругах. И человек, не очень ясно представляющий себе технику и систему выборов, мог действительно уверовать в это. Но вот Ленин на IV-ом Конгрессе Коминтерна 13 ноября с. г. в своей речи заявил, что «в обоих этих городах (т. е. в Москве и Питере. Б.) весной 1921 г. господствовало недовольство среди рабочих». (См. «Правда» № 258 от 15 ноября).

Разве не замечательно?! «Господствовало недовольство», а в совет почти целиком избирали коммунистов. Это показывает, насколько советы отражают волю рабочих масс.

Говоря о крестьянстве, Ленин в той же речи замечает, что в 1921 г. «большие массы крестьянства не сознательно, а инстинктивно были против нас». А между тем на Всероссийских С'ездах, РКП была в подавляющем большинстве.

Разве не замечательно?!

В. Бурский.

В Московском Университете.

В этом году по командировке от Наркомпроса, хотя и сверх нормы, была принята в 1 Моск. Гос. Университет тов. Брушницкая, 18 лет. С 16 лет она преподает в школе, так что имеет как будто все права на поступление Ее приняли, выдали зачетную книжку, зарегистрировали на все лекции, затем после 2-х месячных усиленных занятий, после одного собрания, на котором она выступала против коммунистов, ей сообщают, что она была „ошибочно“ принята и что больше студентом университета она не числится Несмотря на ея заявление. что были приняты студенты и совсем без командировок, ее не приняли обратно даже и на платное место, заявив, что теперь поздно и никакие комиссии не работают (они работают только для вышибания студентов, но не для приема.)

Собрание на 1 курсе того же 1 М.Г.У. на предмет выборов предметных коммиссий. О собрании об'являют только за час, за два до собрания, так что не все даже и знают о таковом, но зато оно происходит моментально после заседания ком'ячейки.

Коммунисты выставляют свой список, в который попадают никому неизвестные люди; коммунисты, которые сами скрывают, что они коммунисты, прячась за ширмой беспартийности, или люди, ничем другим не выделяющиеся, как только тем, что они служат или служили в Ч.К., как напр. студент Кирьяков, который был следователем Отделения Крымской Чека. Студенты беспартийные выставляют своих кандидатов, но после 3—4 имен председатель, назначенный контрольной коммиссией при Главпрофобре, об'являет, что прием кандидатов закончен за недостатком времени.

Приступают к выборам. Такое сплошное жульничество, такое бесстыдное прибавление голосов, что группа беспартийных ничего не в силах сделать и принуждена уйти с собрания. Выбирают „единогласно“ коммунистов.

На 3-ем курсе, где сплоченность студентов гораздо сильнее, выборы протекают совсем иначе.

Так же комячейки выставляют свой список, но в противовес ему беспартийная часть студенчества выставляет свой список. Голосуют списком; большинством голосов проходит список беспартийных. Коммунисты заявляют, что выборы неправильны, и покидают собрание. Через день выборы об'являются не утвержденными контрольной комиссией при Главпрофобре и назначаются перевыборы, на которые пускают только по особым талонам, которые выдаются в самое неудобное для студентов время, и все таки на собрании масса народу. Опять кандидаты и от коммунистов и от беспартийной части студенчества.

Коммунисты заявляют, что, если голосование будет списком, они опять добьются того, что выборы будут об'явлены недействительными, надеясь тем самым провести своих кандидатов. Но и это ни к чему не ведет: голосуют отдельных кандидатов и несмотря на все ухищрения, проходят опять все те же лица.

Петроград. Арестованы Струев-Десницкий и Лукомский (предложено уехать в течение 2-х недель заграницу). На допросах они об'явили себя «беспартийными коммунистами», в ответ на что им агенты ГПУ предлагали поскорее «самоопределиться».

Все т. т., сидящие в тюрьмах, сообщают, что им приходится сидеть с коммунистами-«политиками», которые стали заметной группой на политических корридорах современных тюрем.

По советским этапам.

Все больше приходится нашему брату, снова путешествующему в вагонах с решеткой, вспоминать царские этапные порядки. Издевательствам нет меры. А вдобавок — путаница и бестолковость. Прежнее Главное Тюремное Управление лучше делало свое дело. Вот, например, в Ташкент прибывает уже второй с.-д. по весьма странному (выражаясь мягко) маршруту. Из Москвы (сначала это было с Чечиком, потом с Венгеровым) они шли Симбирским этапом. Их уверяли, что в Рузаевке они перейдут в ведение Самарского конвоя, но доехали до Симбирска, а оттуда их вместо Самары отправили в Уфу. Приходилось им добиваться отправки голодовкой. И тогда после 2-3 недель мытарств их отправляют опять... в Самару. Опять борьба и, наконец, их везут по направлению к Ташкенту. Но в Оренбурге опять тюрьма... Вместо одной-двух недель людей мучают 5-6 недель. Видно, палачам мало Астрова и других погибших...

Владимир. — Расправы над рабочими-социалистами продолжаются. Высылка идет за высылкой. В Вятку отправлен Иванов. Серкин, с.-р., назначен в Ташкент. Лютова (рабочий Ковровского пулеметного завода), с.-д. с 1905 года «по ошибке» как с.-р. (!) выслали в Усть-Двинск.

Симферополь. Об одной кассе взаимопомощи.

Опираясь на декрет об обществах и союзах врачи г. Симферополя взялись в Феврале 1922 г. за организацию кассы взаимопомощи, которая в середине марта была, наконец, утверждена. Средства составлялись из вступительных и ежемесячных взносов и пожертвований.

В связи с голодом и эпидемиями в Крыму касса взялась и за оказание продовольственной помощи своим участникам, войдя с Внешторгом в соглашение о закупке продуктов заграницей. Все получавшие продукты обязаны были 10% пайка отчислять на нужды больных врачей и семьи умерших, хотя бы и не бывших участниками кассы. Всего за 7 месяцев существования кассы помощь оказывалась 20 таким семьям, причем, кроме продуктов, им было выдано деньгами свыше 1½ миллиарда рублей.

Но в этой деятельности усмотрела «контр-революцию» секция врачей союза медсантруд, вынесшая постановление (утвержденное ГСПС) о выходе из состава кассы всех членов союза, не имеющих - де права входить во внесоюзную организацию.

Попытки кассы добиться компромисса путм ввода члена бюро секции в правление кассы ни к чему не привели, и касса осуждена на фактическую ликвидацию, т. к. за неподчинение постановлению секции врачам грозит исключение из союза.

Туркестан. Политическое положение.

Басмачество минувшим летом приняло угрожающие размеры. Создан был специальный фронт, на который еще недавно слали молодежь из России и Украины. Судя по газетам, война была успешна для Красной Армии. Но правительству пришлось сделать много уступок местному национально-религиозному и социальному быту. Введен был суд по шариату, духовенству было возвращено право «вакуфов», т. е. обирательства деревенской бедноты. Прекратились преследования местных «влиятельных лиц» — мулл, казиев и др. В результате такой политики басмачество ослабело и стало терпеть поражения. Теперь идет расправа, жестокая, средневековая. В Бухаре, в Оше (Ферг. обл.), Самарканде на базарах произведены публичные расстрелы. Расстрелян один из вождей басмачества — Муэтдин Бек. В Самарканде взяли заложниками родственников Махрама, и когда он не сдался во-время, их расстреляли. По достоверным сведениям, в горах сжигают целые аулы и кишлаки...

В верхах тоже не благополучно. Бывшие председатели Совнаркома и Турцика Атабаев и Рахимбаев слишком резко защищали национальные интересы Туркреспублики. Новый наместник Ленина — Рудзутак немедленно по приезде отправил их в Москву на исправление в Ц. К. РКП, а на их место посажены новые марионетки — Рыскулов и Хидыр-Алиев.

Туркестан. Положение ссыльного.

Ссыльным живется тяжело. А их все шлют и шлют. И работать не дают. В Джизаке живут двое рабочих. Один — Дорофеев работал еще в девяностых годах в Николаеве с Троцким. Теперь они голодают, так как им не разрешают работать, а пособие задерживают месяцами. Недавно пришла партия с.-д. из Минска. Еле-еле удалось отменить приказ уполномоченного ГПУ о высылке их в Турткуль и Чимбей, запрятанный где-то в песках у устья Аму-Дарьи. В Мерве сняты с работы не только служащий в отд. Внешторга, но и товарищ-счетовод у частного купца. Такая же тенденция в Ташкенте. Кончается ноябрь, а многие еще не получили казенного «пособия» за сентябрь и все за октябрь. У многих положение очень тяжелое.

После имевших место побегов из ссылки начальство рассвирепело и каждую неделю выдумывает новую форму регистрации. За ссыльными в городе следуют неотступно «гороховые пальто». Ко вновь прибывающим товарищам отношение прямо издевательское. Например, тов. Чечика продержали в тюрьме около двух недель, несмотря на то, что сами в первые же дни заявили, что держать его не за что.

Харьков. Выборы в советы.

На кожевенной фабрике «Корона» выборы были назначены на 18 ноября в 2 часа дня, о чем с утра было вывешено об'явление. Рабочие встретили это сообщение не слишком благосклонно: их более интересовал вопрос о выдаче заработной платы за первую половину месяца. По цехам стали поговаривать, что пусть, мол, сначала выплатят жалованье, а потом говорят о выборах. Фабзавком и комячейка заволновались и добились от хозяйственного органа обещания, что уплата будет произведена сегодня же, о чем и оповестили рабочих. Но рабочие не верили и бросили работу.

На избирательное собрание стали собираться вяло. Во время доклада избирательной комиссии переговаривались между собою о том, что им выборы никакого улучшения жизни не дают, они нужны только карьеристам, которые все равно проводят только «своих», а рабочих списков не пропускают. Увидев кассира, принесшего деньги, рабочие стали кричать, чтобы выборы скорее кончали. Докладчик скомкал свою речь, огласил список (1 коммунист и 1 беспартийный и кандидат-коммунист). Больше половины рабочих вовсе не го-

лосовали. Список об'явлен принятым, и рабочие бросились получать жалованье.

Велики апатия и разочарования рабочих!

Харьков. Заключительный акт операции.

Наконец, приходит к концу крупная осенняя «операция», произведенная в три приема.

К середине ноября заключенным с.-д. был, наконец, сообщен долгожданный «приговор», по которому большинство получало от 1 до 1½ лет Туркестана. Однако, когда начались вытекающие отсюда переговоры о выпуске для сборов, времени отправки и т. п., — то последовал двусмысленный и невнятный ответ, что об'явленный приговор еще не подписан, что он хотя и «согласован», но все же является «черновым» (?) и т. д. Далее, в отдельные частности приговора стали вноситься «поправки», так как мол, машинистки перепутали фамилии. Можно было подумать, что официальное утверждение приговора задерживается вследствие знаменитых «перевыборов в совет», в это время как раз происходивших. Однако, дело вскоре выяснилось. Через несколько дней после об'явления «чернового приговора» ГПУ приступило к энергичному «возобновлению следствия». При новых допросах, которые велись в типичных жандармо-шантажных тонах, очевидно, рассчитывали попытать счастья, добиваясь более или менее «откровенных показаний». Так, обещали свободу только за подтверждение «имеющихся сведений» о том, что допрашиваемый не являлся активным членом организации.

Однако, все эти чекистские поползновения на моральную устойчивость наших товарищей оказались покушением с негодными средствами. «Кампания» не дала никаких результатов.

В конце ноября заключенные пред'явили ультимативное требование об'явления окончательного приговора в 48 часовой срок с угрозой голодовки. На вторые ее сутки властями было дано торжественное обещание об'явить приговор на завтра. Голодовка была прекращена, и новый «приговор» действительно об'явлен.

По этому приговору из 32 товарищей, оставшихся в заключении из 68 с.-д., арестованных осенью (36 были освобождены с подпиской о невыезде), 19 подлежали высылке «в отдаленные местности Р. С. Ф. С. Р.» на срок от 1 до 3 лет (Брик, Бухштаб, Карлинский, Корелиц, Клигер, Курбатов, Михлин, Могилевский, Рабинович, Рогачевский, Фризман, Бару, Каган, Швадрон, Александров, Коц, Петрушевский, Володарский, Соловей); 1 (Шифрин) — высылке заграницу; 7 (Розенберг, Цинкин, заболевший в тюрьме сыпняком, Аусeм, Бухина, Гриев, Котов, Цетлина) — преданы суду Ревтрибунала; дело 5 выделено (Лисовский — «до выяснения личности», Колмаков и Геркес — до медицинского освидетельствования, Раф. Григорьев и Резуль — до выздоровления).

Через несколько дней, однако, была получена еще «новая редакция» приговора: всем, кроме Соловья, Туркестан на 3 года (Петрушевскому и Рабиновичу — 2 года).

Ташкент. «Чистка» университета.

Изо дня в день на столбцах «Турк. Правды» ведется травля профессоров Успенского, Пекарского, Войно-Ясенецкого. Но пока их не трогают. За то усердно принялись за очищение университета от «неблагонадежных» студентов. На собрании общественного факультета коммунист Позднышев призывал «всех, знающих о каком нибудь студенте что либо компрометирующее в политическом отношении, сообщать в ком'ячейку, хотя бы секретно».

Но самым действительным средством для такой «чистки» являются экзамены по так называемой «политграмоте», т. е. по-просту говоря, допрос с пристрастием.

В результате такого «экзамена» на физико-математическом факультете, насчитывавшем до 100 студентов, исключено 35 с правом в двухдневный срок подать заявление в Комиссию по чистке на предмет реабилитации. На медицинском факультете из 80 слушателей исключено 19. Исключен один студент, проучившийся уже 6 лет за неудачный ответ на вопрос, как формируются ревкомы!

„На черную доску!“

Под таким заголовком в газете «Рабочий-Химик», органе ЦК Всерос. союза рабочих химиков, в № от 26-го декабря напечатано следующее сообщение:

На общем собрании рабочих и служащих Краснодарского завода Химжир 30 октября 1922 г. обсуждался вопрос о праздновании 5-ой годовщины октябрьской революции. При этом постановлено «не явившихся на празднование оштрафовать в размере 3-хдневного заработка в пользу школ, прикрепленных к союзу химиков. ... После празднования устроить обед. Для означенной цели отчислить однодневный заработок».

«Все шло прекрасно, как вдруг гр. Плаксин просит слова и заявляет, что он вопреки постановлению общего собрания об обязательном участии в октябрьских торжествах участвовать не намерен, потому что он меньшевик и присутствие его на праздновании противоречит его убеждениям и что это празднование чуждо ему, ибо праздник устроен коммунистами. Присутствовавший секретарь Куб.-Черном. обл. отд. ВСРХ тов. Крючиков заявил Плаксину, что он заблуждается, что идеи меньшевиков в достаточной мере скомпрометированы прошлой и настоящей политикой меньшевиков и поэтому гр. Плаксину необходимо учесть как рабочему, что его выступление с отказом присутствовать на торжестве празднования весьма неуместно и что вероятно, гр. Плаксин просто бессознательно поднял об этом вопрос; на это Плаксин заявил, что заблуждается ли он, покажет будущее и что он заявляет здесь, что действует по убеждению и вполне сознательно, что он не скрывает этого. Тогда тов. Крючиков предложил следующее: «в виду того, что вожаки меньшевиков находятся в Париже, а в России таковых нет, то предложить гр. Плаксину покинуть семью рабочих, ибо ему нет места среди нас».

«Собрание единогласно постановило немедленно убрать Плаксина с завода».

«Правлением союза постановлено: протокол общего собрании утвердить. О немедленном снятии Плаксина сделано распоряжение. На заседании фракции постановлено исключить его из членов союза, опубликовать в печати и занести гр. Плаксина на черную доску».

С чувством глубокого негодования прочтет это сообщение всякий сознательный пролетарий. В обстановке циничного произвола мужественное поведение тов. Плаксина найдет горячий отклик в сердце всякого честного человека. В истории же русского рабочего движения отмеченный выше факт займет свое место на черной доске в качестве симптома величайшего падения и полного полицейского перерождения коммунистической профессиональной бюрократии.

Воззвание группы „Рабочая правда“

Освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса.

Обращение.

к революционному пролетариату и всем революционным элементам, оставшимся верными борющемуся рабочему классу.

«В тяжелые месяцы идейной растерянности и разброда в партии и апатии среди рабочего класса, мы, группа коммунистов, ставим своей задачей выявление классовой пролетарской позиции» — под таким лозунгом самоопределелась и оформилась осенью 1921 года ..... в журнале «Рабочая Правда».

Группа «Рабочая Правда» организовалась прошлою осенью. Год НЭП'а (восстановление нормальных капиталистических отношений) в сильнейшей степени обострил классовые противоречия в нашей республике и создал необходимую предпосылку для более широкой работы.

Наше обращение является одним шагом на этом пути.

Пора приступить к собиранию своих сил и организовать отпор наступающему и все более наступающему капиталу.

Рабочий класс России, малочисленный, неподготовленный, в крестьянской стране, в октябре 1917 г. совершил исторически необходимую Октябрьскую Революцию. Руководимый РКП, он свергает и уничтожает власть господствующих классов, в течение долгих лет Революции и гражданской войны твердо сдерживает натиск международной и российской реакции.

Несмотря на понесенные рабочим классом неслыханно тяжелые потери, Октябрьская Революция остается крупнейшим и героическим событием в истории борьбы российского пролетариата. Российская октябрьская революция дает борющемуся международному пролетариату огромной ценности опыт для борьбы с капиталом.

В результате Октябрьской Революции все преграды на пути экономического развития России уничтожены, нет уже гнета помещиков, царской паразитской бюрократии и буржуазии, опиравшихся на реакционные группы европейского капитала. После успешной революции и гражданской войны перед Россией открылись широкие перспективы быстрого превращения в страну передового капитализма. В этом несомненное и огромное достижение революции в октябре.

Но что изменилось в положении рабочего класса? — Рабочий класс России дезорганизован, в умах рабочих царит путаница: в стране ли они «диктатуры пролетариата», как

неустанно повторяет устно и печатно Коммунистическая партия или в стране произвола и эксплоатации, в чем убеждает их на каждом шагу жизнь? Рабочий класс влачит жалкое существование, в то время как новая буржуазия (т. е. ответственные работники, директора заводов, руководители трестов, председатели исполкомов и т. д.) и нэпманы роскошествуют и восстановляют в нашей памяти картину жизни буржуазии всех времен. А впереди снова долгие и тяжелые годы борьбы за существование. Но чем сложнее обстановка, тем большая ясность и организованность нужна борющемуся пролетариату. Внести классовую ясность в ряды рабочего класса России, всемерно помочь организации революционных сил борющегося пролетариата — вот наша задача.

Международная экономика и соотношение классовых сил.

Во время войны произошел разрыв хозяйственных связей между отдельными странами. Это сделало необходимым для отдельных национальных хозяйств создание в пределах государства условий для самостоятельного существования. С другой стороны, война с ее гигантской истребительной техникой властно заявляла национальной промышленности о своих нуждах.

Результатом явилось государственное регулирование и государственная организация производства под знаком войны — военно-государственный капитализм. Социализма в нем нет, понятно, и помина; отношения между пролетариатом и другими классами и распределение национального дохода в общем и целом остались такими же, как и до государственного капитализма.

С восстановлением разорванных мировых связей, по окончании войны, естественно стали слабеть вмешательство и регулирующая роль государства в хозяйственной жизни, но тенденция к централизации производства, трестированию и синдицированию не только не ослабела, но усилилась; стимулирует ее мировая конкуренция.

Что же изменилось за эти годы в отношении классовых сил современного общества? — Буржуазные группы оказались неспособными стать выше интересов отдельных предприятий и анархических методов хозяйствования, оказались также неспособными руководить государственным капитализмом военного периода, а тем более восстановить нормальную систему мирного производства в столь усложненной послевоенной обстановке.

Пролетариат же был еще не подготовлен к организации общества на новых началах.

Все больше и больше начинает выдвигаться техническая организаторская интеллигенция, руководящая и выполняющая всю организацию производства.

По методам своей работы и своей идеологии эта интеллигенция насквозь буржуазна и построить она может только капиталистическое хозяйство. Новая буржуазия создается путем слияния деловых элементов старой буржуазии и все больше выдвигающейся организаторской интеллигенции.

Капитал с'организовал свои силы и выступает в поход против завоеваний рабочего класса. Перед международным пролетариатом остро становится задача об'единения всех своих сил.

РКП и рабочий класс.

Коммунистическая партия, в годы революции — партия рабочего класса, становясь правящей партией, партией организаторов и руководителей государственного аппарата и хозяйственной жизни на капиталистических началах при общей отсталости и неорганизованности рабочего класса, все бесповоротнее теряет связь и общность с пролетариатом. Советская, партийная и профессиональная бюрократия и организаторы государственного капитализма находятся в материальных условиях, резко отличных от условий существования рабочего класса; само их материальное благополучие и устойчивость их общего положения зависят от степени эксплоатации и подчиненности им трудящихся масс; — все это делает неизбежным противоречивость их интересов и разрыв между коммунистической партией и рабочим классом.

Общественное бытие коммунистической партии определяет собой неизбежно и соответствующее общественное сознание, интересы и идеалы, противоречащие интересам борющегося пролетариата.

РКП стала партией организаторской интеллигенции. Пропасть между РКП и рабочим классом все больше углубляется, и этот факт нельзя затушевать никакими резолюциями и постановлениями коммунистических с'ездов, конференций и т. д.

Экономика и соотношение классовых сил в России.

На крупной промышленности в России, теснейшим образом связанной с промышленностью Запада, разрыв мировых связей сказался чрезвычайно болезненно. Громадное напряжение производительных сил, испытанное хозяйственным организмом страны, во время войны империалистической и революционной, окончательно расшатало его. Дальнейшему развитию крупной промышленности поставлены тесные пределы: а) сильно с'уженной материальной его базой, б) технической отсталостью по сравнению с западной (более высокие издержки производства) и в) слабой покупательной способностью населения, в большинстве своем крестьянского, хозяйство которого подверглось тому же разрушительному влиянию войны.

НЭП, т. е. возрождение нормальных капиталистических отношений и интенсивная экономическая дифференциация крестьянства, усиленная голодом 1920—21 гг., обусловил усиленный рост крепкого кулацкого слоя в российской деревне. Мелкий неорганизованный характер крестьянского хозяйства при разрушенных средствах сообщения определяет на ближайшее время господствующую роль торгового капитала, а вместе с последним растет и влияние государства, как представителя общенациональных интересов капитала и лишь руководящей аппаратом государственного управления и регулирования хозяйства организаторской интеллигенции. Пролетариат, распыленный вследствие разгрома промышленности, ослабленный потерей и отрывом (буржуазным пленением) части наиболее активных элементов и идеологической путаницей, при отсутствии своей пролетарской партии и революционных рабочих организаций, сколько нибудь влиятельной роли играть не способен.

Профдвижение в России.

Классовые интересы господствующих в России буржуазных групп естественно требуют затушевания классовых противоречий в нашей республике, и, вследствие этого, представители правящей партии, руководящие профдвижением, всемерно стремятся, путем всяких мероприятий и соответствующей пропаганды, к поддержке стихийного экономизма, отчетливо наметившегося в рабочих массах.

НЭП в сильнейшей степени усилил стремление рабочих к улучшению своего матерьяльного положения, и, несмотря на заметный под'ем заработной платы, борьба за «пятачек» становится наиболее упорной и ожесточенной. Бюрократия профсоюзов не в состоянии овладеть этим движением. Поскольку даже чисто экономические требования задевают интересы капитала, — волна экономизма перекатывается ныне через голову оппортунической профбюрократии. Возрождающаяся активность рабочего класса ищет себе выхода.

Необходимость создания Рабочей Партии.

Несмотря на катастрофическое свертывание промышленности, матерьяльное положение работающих рабочих, значительно отставая от прожиточного минимума, все же постепенно улучшается. Освобождаясь частично от погони за куском хлеба, рабочие снова показывают классовую энергию, у передовых рабочих снова растет, пока еще глухой, сбивчивый протест против намеченного капиталистического строя. Еще немногочислен революционный элемент, слабо оформлена его идеология, сильны еще коммунистические фетиши, но рост классовой активности у передовых беспартийных рабочих и классово мыслящих элементов внутри Р. К. П. создает необходимую предпосылку для создания партии Российского пролетариата.

Задача Российской Рабочей Партии.

Как отражающее с наибольшим успехом наиболее жизненные интересы современной России и, следовательно прогрессивное, нынешнее правительство должно пользоваться, поскольку это не мешает класовой борьбе, поддержкой рабочего класса. То же относится к правящей партии, чуждой рабочему классу, но единственно способной руководить нашей республикой.

Поскольку рабочий класс в капиталистических условиях может влиять на иностранную политику своей буржуазии, он стремится к поддержке прогрессивных капиталистических групп и бойкоту реакционных. В соответствии с этим рабочий класс России должен стремиться:

1. к установлению тесной связи Российской республики с странами передового капитала — Германией и Америкой и к бойкоту реакционной Франции;

2. к всемерной поддержке национальной буржуазии стран нарождающегося капитализма Востока (Индии, Китая, Египта и т. д.) в их борьбе с колониальными империями, ведущими хищническую политику в колониях.

В капиталистических условиях рабочий класс естественно борется за демократию т. е. за условия, обеспечивающие минимум возможностей в политической, экономической и культурной борьбе рабочего класса. В Российской республике, где даже оппозиционные буржуазные группы пользуются фактически и частию юридически свободой печати, коалиции и т. д., рабочий класс должен бороться:

1. за свободу печати и коалиции для революционных элементов пролетариата;

2. против административного произвола, поскольку это возможно в условиях отсутствия выборных законодательных учреждений;

3. против фетиша «монопольных» избирательных прав для трудящихся и фетиша свободы использования этих прав;

В области профработы, при отсутствии каких бы то ни было пролетарских массовых организаций, неотложной задачей революционных элементов российского рабочего

класса, является превращение нынешних оппортунистических профсоюзов, в большинстве случаев не пользующихся доверием рабочих масс, в боевые организации пролетариата.

Борьба должна итти под лозунгами:

1. Действительной, в соответствии с настоящими ресурсами промышленности, защиты экономических интересов невыносимо эксплоатируемого пролетариата.

2. Фактического осуществления кодекса законов о труде и

3. Настойчивого раз'яснения, скрытых борьбой «за пятачек», политических интересов пролетариата.

Особенно ясный подход и напряжение работ необходимы в области культработы среди пролетариата. Под маской коммунистической, советской, якобы пролетарской, буржуазная идеология, в частности, идеология организаторской интеллигенции, пленила десятки и сотни тысяч активных рабочих, не только советских и хозяйственных работников, комсоставов из рабочих, рабочих-учащихся (через Рабфаки и т. п.), но и множество рабочих у станков. В борьбе против буржуазной идеологии (культуры) за пролетарскую, задачи революционных элементов рабочего класса сводятся:

1. К непримиримой борьбе с мещанскими и авторитарными тенденциями внутри рабочего класса.

2. К всемерной поддержке пролетарских культурных организаций и проведению через них идей пролетарской идеологии.

3. К развитию культработы (полит., просвет. и профес.-технической) в первую очередь для рабочих у станков, к борьбе с перенесением максимума средств и внимания на Вуз-ы, наполняемые бывшими рабочими и уходящими от пролетариата.

4. К резкому отграничению от официальной советской литературы и искусства и всемерной поддержке пролетарских литературных и т. п. организаций.

В области организации рабочей молодежи революционным элементам, учитывая революционную восприимчивость и активность рабочих подростков, следует обратить всемерное внимание на пропагандистскую работу среди них, на подготовку кадров будущих борцов за освобождение рабочего класса. Поскольку, несмотря на мелко-буржуазный и оппортунистический характер Коммунистического Союза Молодежи, внутри него имеются ценные революционные элементы, необходимо обратить внимание на работу среди пролетарской части Комсомольцев, не отказываясь от самостоятельной вне союза работы среди подростков.

Отношение к социалистическим партиям.

Наше отношение к меньшевикам определяется оценкой их последней платформы. Давая ценный во многих отношениях анализ социальной и идеологической эволюции Р. К. П., меньшевики делают глубоко ошибочные и вредные выводы о необходимости возвращения национализированной собственности ее бывшим владельцам, совершенно не учитывая, глубокого и прогрессивного изменения российской экономики; их платформа — плод их безнадежной оторванности от российской действительности и превращения в чисто интеллигентскую группировку.

Осколки С.-Р-ов — Партии российского крестьянства — оторвались от своей базы и растеряли свое влияние. Ныне роль С.-Р., особенно в части защиты крепкого крестьянства, перешла к Р. К. П.

Отношение к рабочей оппозиции.

Группа рабочей оппозиции была ценна наличием революционных элементов, но об'ективно она реакционна, стремясь к возрождению до конца изжитых лозунгов и методов военного коммунизма. Наша задача привлечь революционные элементы «Рабочей Оппозиции», отрешившиеся от реакционных идеалов.

Центральная группа «Рабочая Правда» обращается ко всем революционным рабочим и активным классово-мыслящим, примкнувшим к борьбе пролетариата, элементам с горячим пролетарским призывом очнуться от навеянной коммунистическими иллюзиями классовой бездеятельности и путаницы и начать усиленную работу по организации революционных элементов и раз'яснению рабочим массам действительного грозного положения дел.

Некогда передовой пролетарский отряд — Российский Рабочий Класс — сейчас далеко отброшен чуть ли не на десятилетия назад.

Работа предстоит долгая и упорная, и в первую очередь идеологическая. Всюду на заводах, фабриках, в профорганизациях, рабфаках, совпартшколах, Коммунистическом Союзе Молодежи и партийных организациях должны быть созданы пропагандистские кружки, солидарные с «Рабочей Правдой».

Организуйте пропагандистские кружки и не забывайте основных условий развития Революционных организаций в странах наступающего капитала — тщательный отбор товарищей и строгую конспирацию.

За работу товарищи!

Центральная группа «Рабочая Правда».

Рабочая жизнь.

Сормовские картинки.

В «Соц. Вест.» уже сообщалось о майской забастовке в Сормове и о всех обстоятельствах, с ней связанных. Теперь в № 19—20 «Металлиста» (орган ЦКВСРМ) находим любопытное письмо «самого» Козелева, назначенного сверху после разыгравшихся событий для «ревизии» деятельности Сормовского Завкома. В этом письме — много откровенных признаний, иллюстрирующих состояние казенных профсоюзов (конечно, не в одном Сормове). Козелев говорит определенно о «развале Нижегородской организации металлистов». В результате исследования «была обнаружена полная неавторитетность, оторванность от масс и несостоятельность заводских союзных организаций, как завкома, так и уполномоченных» (курсив Козелев). Автор называет это «одной из основных «бед» эпохи увлечения методами военного коммунизма». Дело ведь дошло до того, что 14-м пунктом требований, выставленных забастовщиками сормовцами, было не более, не менее, как «смещение существующего заводского комитета». В какой еще стране рабочие принуждены бастовать с курьезным требованием, чтобы администрация помогла им сместить их «выборный» орган?! В этом 14-м пункте майских требований — отражается вся сущность профсоюзной системы в Советской России.

Сама Комиссия констатирует, что в движении, вспыхнувшем в Сормове, «Завком оказался в стороне и был отброшен массой». «Завком не занимался своей основной задачей в новых условиях — защитой интересов рабочих» (курсив Козелева). В докладе комиссии упоминается ряд недочетов, складывающихся в выразительную картину. «Заработная плата выдавалась не своевременно». «Общее недовольство рабочих низкими расценками за работы... Несоответствие и некомпетентность расценочных комиссий цехов подтверждается следующим примером: работа кузнеца расценивалась маляром и обратно». Охрана труда в полном пренебрежении, ряд нарушений кодекса труда и т. д. «Продажа товаров в лавках кооперации производится по ценам нисколько не ниже, чем у частных торговцев». «Неразборчивое, — говорит далее Козелев, — нечуткое, невнимательное отношение к мнению рабочих, к выборам среди них, дискредитировало весь институт уполномоченных. Из 30 уполномоченных 29 было назначено помимо воли и мнения цехов, зачастую со стороны. Работа этих уполномоченных понималась, как работа производственных комиссаров, наблюдателей за выполнением работы, за рабочей дисциплиной — и только. И это впиталось прочно в сознание отдельных уполномоченных». «Члены завкома посещали цеха случайно, в зависимости от вызовов рабочих. Новые задачи союзов не были ни раз'яснены, ни поняты». Кампания за добровольное членство, по признанию Козелева, встретила к себе совершенно пассивное отношение со стороны рабочих и «провалилась». Завком перешел после этого к персональным записям. И здесь дело пошло туго. Из 13 000 рабочих в 4 дня записалось в союз всего 3550 членов, а из 1500 служащих — всего 4 человека. «Все это надо отнести в равной мере как к полной неавторитетности Завкома в массах, так и к полной неподготовленности к добровольческой кампании, которой был придан характер обычной (!) агитационной кампании, проведенной без всякого учета настроения рабочих в данный момент». Вот как эту кампанию (типичную большевистско-казенную) описывает один из членов ЦК ВСРМ: «В один прекрасный день товарищи-агитаторы (большею частью не профессионалисты) явились на завод, остановили работу на 1—1¼ часа до гудка, а после гудка масса оставила собрания».

Что можно прибавить к «письму» Козелева, к этой характеристике, которая дана официальным лицом состоянию «рабочей» организации в одном из крупных промышленных центров Сов. России?

Троицкий Снаряжательный Завод (под Москвой).

В нескольких часах езды от Москвы расположен большой Троицкий Снаряжательный Завод, на котором ранее работало свыше 1500 рабочих, теперь значительно менее. Заводу этому коммунистические газеты уделяли обычно много внимания. Травили — «меньшевистский» де. «Меньшевизм» рабочих завода заключался в том, что они с исключительным единодушием, постоянно неся жертвы, солидарно боролись против существовавших на заводе аракчеевских порядков. Директором завода (и «начальником гарнизона» одновременно) был авантюристского толка коммунист-пропойца некий Салтыков, имевший большие связи в московских верхах. Самодурствуя, пьянствуя, развратничая, он слыл хорошим администратором — держал рабочих в ежовых рукавицах. В центре завода он соорудил свою заводскую тюрьму-

гауптвахту, куда сажал рабочих за малейшее «прекословие», за малейшую «вольность». Особенно частыми сидельцами этой тюрьмы были члены завкома и его комиссий. Контакт с Че-кой был, конечно, самый интимный: председатель Завкома рабочий Кокушкин за это время успел отсидеть не только в Александровской уездной тюрьме, но добрался и до губернии — во Владимире сидел (завод лишь недавно присоединен к Московской губ.). Работа Завкома, конечно, тормазилась. Даже общие собрания Завком мог созывать только с разрешения директора, утверждавшего и порядок дня. При этом самым опасным и запрещенным пунктом порядка дня были, как это ни странно, «текущие дела». Не без основания боялся этих «текущих дел» директор. Путем вопросов, анонимных записок тут на свет Божий выволакивались все художества директора, все издевательства его над рабочими. Боролся с директором и московский союз химиков (до своего разгона в 1921 г. союз стоял на позиции «классовой независимости»), но с благословения директора борьба эта об'являлась меньшевистской демагогией, игрой «на шкурных интересах рабочих в ущерб общегосударственным». Большевистск. союзы, конечно, поддерживали Салтыкова и в разгар одного особенно острого конфликта с рабочими председатель большевистского ЦК Союза Химиков провел 3 дня на заводе, демонстративно сидя все время на квартире Салтыкова и не показывая носа ни в Завком, ни в др. рабочие организации. Эта аракчеевщина длилась около 2 лет, пока ком'ячейка, все время поддерживавшая своего директора, в чем то не поладила с ним. Вынесен был сор из избы, и постановлением партийного комитета, после 2 лет исключительных насилий и издевательств над рабочими, насильника убрали.

Система же осталась. При следующем директоре Ивановском шло то же игнорирование рабочих, расправа с сознательными пролетариями под видом «сокращения». Были случаи увольнения чистых пролетариев, коим деться некуда, и оставления на заводе податливых своих мужичков. Оппозицию усиленно «чистили».

После стольких понесенных рабочими жертв можно было предполагать, что рабочие окончательно придушены, что убит в них дух классовой солидарности.

Оказывается, нет. «Правда» в январском номере снова доносит о «меньшевистском» духе на заводе.

В конце декабря на заводе предстояли перевыборы Завкома. Уже за неделю до выборов ком'ячейка начала предвыборную кампанию. Однако, составленный ею список был принят только среди женщин, у охраны и у трансп. отдела. Не спали, однако, по словам «Правды», и меньшевики. В трех основных пролетарских цехах — механическом, гранатном и строительном, с'агитированных-де меньшевиками, список коммунист. был встречен предубеждению. Агент «Правды» при этом доносит, что «меньшевики» имели наглость стремиться отвести кандидатов РКП и ввести своих в список. На общее собрание, созванное для выборов Завкома, из Москвы был прислан член ВЦИК'а Витолин. Началось, как полагается, с «текущего момента». Критика казенных докладов на рабочих собраниях приняла сейчас в России своеобразную форму: никто не выступает — боятся — и только засыпают докладчиков каверзными записками (нечто вроде «текущих дел»). Так и здесь. «Правда» сообщает, что «после доклада подавались записки и меньшевистские, язвительные, которыми меньшевики пытались ослабить впечатление доклада, но, конечно, получили достойный и надлежащий ответ докладчика». Затем большевистский «назначенный» завком делает доклад о своей работе. По докладу берет слово какой то «меньшевик — рабочий» и «играя на неустройстве в Сов. России и в частности на заводе, играя на шкурных интересах рабочих в ущерб общегосударственным, пытается взбудоражить рабочих». Рабочие ему аплодируют. И член ВЦИК'а Витолин стыдит рабочих, «аплодирующих своим врагам». Список комячейки провалился.

В состав Завкома, по словам «Правды», рабочие все же провели и «меньшевика».

В меньшевики этих беспартийных рабочих заносит «Правда» с исключительной целью оправдать применение обычных репрессий: арестов, увольнений.

Старик.

Профорганы на содержании помгола.

В отчете Мелитопольского отдела труда имеется оригинальное сообщение. В связи с голодом в Запорожье и полным отсутствием каких-либо средств в местных профсоюзах — местное упрофбюро переведено на содержание комитета по организации общественных работ, получающего средства из помгола.

Из партии.

Братская помощь.

Ц. К. Социальдемократической Партии Финляндии переслал Загр. Делегации РСДРП для заключенных и ссыльных с.-д. и их семей 7569,35 финских марок (697,64 шведских крон), собранных среди членов партии.

Эту щедрую помощь финляндские товарищи сопроводили письмом, в котором, между прочим, пишут:

«Следя с большим сочувствием за мужественной борьбой русских товарищей против гнета большевистской диктатуры, за экономические интересы и политическую свободу рабочего класса России, выражаем наше пожелание, чтобы скорее настало то время, когда социалдемократия опять сможет открыто выступать идейной руководительницей всего российского пролетариата».

К позорному столбу!

Вниманию товарищей рабочих Балтийского завода.

Рабочий Балтийского завода, Александр Дудзик, нарочно затесавшись в среду социалдемократов своего завода, выдал целый ряд рабочих большевистской охранке. Пусть презрение рабочего класса навсегда преследует продажного негодяя-провокатора!

(«Рабочий Листок» № 4-6 Петроградского Комитета РСДРП.)

Для иностранных рабочих.

В издании Vorwärts'а вышли на немецком языке предназначенные для массового распространения 2 брошюры т. Ф. Дана о положении рабочих в Советской России. Обе брошюры составляют одно целое и предполагаются к изданию и на ряде других иностранных языков.

Письмо в редакцию.

Берлинский журнал «Заря», перепечатав из «Соц. Вестн.» мою статью о пересмотре партийной платформы, на обложке журнала проставил мое имя таким образом, что могло создаться впечатление, будто я состою сотрудником «Зари».

В ответ на поступившие ко мне запросы считаю нужным заявить в печати, что, как член редакции «Соц. Вестн.», к «Заре» не имел и не имею никакого отношения и вообще, независимо от степени моих расхождений с «Зарей», я не счел бы возможным дискутировать вопрос о пересмотре с. д. платформы в органах печати, организационно несвязанных с Р. С. Д. Р. П.

Г. Аронсон.

В кассу ссыльных и заключенных в России товарищей за январь 1923 г. поступило:

	Нем. марок
От Д. Ш.	10 000.—
» членов с.-д. берл. клуба при встрече нов. года и австр. крон 11 000.—	41 661.—
» берл. с.-д. клуба чл. взносов	25 000.—
» С. М.	20 000.—
» Д-ра Рейхесберга, Берн	10 000.—
» S. Yzerman, Haag . . . Fl. 22½	
» польских товарищей	1 000.—
» Е.	2 000.—
» Б. Ском.	6 000.—
» берлинского полит. кр. кр.	1 400 000.—
Через В. Зензинова из Парижа фр. фр. 2000.—.	
От Финлянд. с.-д. партии . . швед. крон 697.64	

Итого: австр. крон **11 000.—**, гульд. **22.50**, швед. крон **697.64**, франц. фр. **2000.—** и н. м. **1 514 661.—**.

В кассу «Социалистич. В.» За январь 1923 г. поступило:

	нем. марок
От берлинск. с.-д. клуба	25 000.—
» польских товарищей	1 000.—
» N. через т. Гинцберга, латв. рубл. 44.—, литас 0.60	
Через т. Лавстера, Чикаго, в распоряжен. Ц. К. долл. 33.—	

Итого: латв. рубл. **44.—**, литас **0.60**, долларов **33.—** и нем. мар. **26 000.—**.

Verantwortlich für Redaktion und Verlag: Alexander Rubinstein Berlin-Charlottenburg. — Druck von H. S. Hermann & Co. Berlin SW 19, Beuthstr. 8